87 02/23

2132

87 02/23

ЖЕРТВА

всерадостныхъ чувствованій

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ,

ВСЕПРЕСВѢТЛѢЙШЕМУ и ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕМУ

ВЕЛИКОМУ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ

и

САМОДЕРЖЦУ ВСЕРОССІЙСКОМУ

АЛЕКСАНДРУ ПЕРВОМУ,

во всевожделѣннѣйшій день

Торжественнаго Вѣнчанія и Священнѣйшаго Мѵропомазанія

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

на Всероссійскій Прародительскій Престолъ,

со всеподданнѣйшимъ благоговѣніемъ

приносимая отъ Казанской Академіи

1801 года Сентября дня.

МОСКВА, 1801.

ВЪ Университетской Типографіи,

у Христофора Клаудія.

Инв. № 314314

Съ дозволенїя Московской Цензуры.

Къ Тебѣ, МОНАРХЪ! нашъ духъ усердіемъ горитъ;
Чрезъ степи, гордыхъ горъ вершины,
Чрезъ быстры воды и стремнины,
Какъ молнія сквозь тучь, летитъ,
Предъ тронъ предстать дерзая Твой.

ОДА.

Издревле Богъ, живый въ Сіонѣ,
Средь сонма предсѣдяй боговъ,
Держай предвѣчно Слово въ лонѣ,
Россіи далъ завѣтъ таковъ:
„Страна сія благословенна,
„Моимъ покровомъ осѣненна;
„Я вознесу ея народъ
„Въ ея Монархахъ несравненныхъ,
„Правдивыхъ, мудрыхъ, кроткихъ, вѣрныхъ
„Ее прославлю въ родъ и родъ.

*

И се — въ верху подъ облаками
Въ лазурѣ сине-голубой,
Вiется голубь надъ главами,
Плыветъ излучистой стезёй!
Съ безмѣрной пустоты эѳира
Несетъ онъ масличну вѣтвь мира,
И возвѣщаетъ: „Съ вами Богъ!
„Се! АЛЕКСАНДРЪ вамъ на Престолѣ,
„Его послушны будьте волѣ;
„Онъ Царь, Отецъ въ щедротахъ многъ.

*

Орелъ, пернатыхъ Царь надмѣнный,
Любимецъ грома, торжества,
Въ полетахъ быстрый, дерзновенный,
Взлетѣлъ въ чертоги Божества;
Взявъ въ когти Скипетръ тамъ, Корону,
Принесъ къ Россійскому онъ Трону,
Предъ АЛЕКСАНДРОМЪ положилъ;
„Державствуй, рекъ, и правь страками,
„Возлюбленный Царь Небесами!
И самъ предъ Нимъ главу склонилъ.

*

На Тронѣ АЛЕКСАНДРЪ! внемлите,
О Россы! гласу вы сему;
Сердца въ подданство подчините,
Въ любовь МОНАРХУ своему.
Подъ сѣнію Его покрова
Не будетъ жребія инова,
Какъ щастья, радости, утѣхъ;
Вкушайте сладость безъ препоны,
И вмѣсто щастія Юноны
Не бойтеся обнять средь нѣгъ.

*

Воскресла въ Немъ ЕКАТЕРИНА,
Отечества любезна Мать;
Въ Немъ сердце съ Ней, душа едина:
Въ поляхъ потухнетъ грозна рать.
Царь мира, кроткаго покоя
Вотще не водитъ бранна строя;
Небесной Ангелъ тишины!
Утишитъ внѣшни неустройства,
Онъ прекратитъ всѣ безпокойства,
И миръ поставитъ средь войны.

*

Онъ рекъ уже въ Своемъ совѣтѣ,
Что Бабки по слѣдамъ пойдетъ,
И что для человѣка въ свѣтѣ
Блаженство въ кротости найдетъ.
Скрѣпитъ ли смертный судъ десною?
Вдругъ смоетъ въ немъ слова слезою;
Онъ жизнь народу возвратитъ;
Всякъ будетъ участью доволенъ,
Обиленъ, здравъ, покоенъ, воленъ;
Онъ милость съ правдой сьединитъ.

*

Какъ ко гнѣзду птенцовъ сзываетъ
Благотворящій пеликанъ,
Крылами ихъ пріосѣняетъ,
И точитъ кровь свою изъ ранъ,
Что юнымъ служитъ въ насыщенье,
Томящей жажды въ утоленье:
Такъ АЛЕКСАНДРЪ своихъ сыновъ
Къ себѣ отвсюду собираетъ,
Награду лестну обѣщаетъ,
Даритъ защиту и покровъ.

*

Въ чужія страны отдаленнымъ
Онъ рекъ отечества сынамъ:
„Отсѣль престаньте быть смущены:
„Я дарствую свободу вамъ.
„Спекайтеся въ Мою Державу,
„И въ прежню облекитесь славу,
„Примите мужественный духъ.
„Постыдно Россу пресмыкаться,
„Въ неволѣ дни влачить, терзаться,
„И къ рабству мысль склонять и слухъ.

*

Младыхъ еленей, нѣжныхъ, бодрыхъ,
Пасомо стадо на поляхъ,
Волковъ избѣгнувъ хищныхъ, злобныхъ,
Или охотниковъ въ степяхъ,
Рѣзвѣе прыгаетъ, играетъ,
Опасность прежню забываетъ;
По холмамъ скачетъ, по буграмъ;
То вихремъ въ рощи вдругъ несется,
То вольно на лугахъ пасется,
Иль къ чистымъ пить бѣжитъ ручьямъ:

*

Равно злощастьемъ угнѣтенный
Давно не зналъ утѣхъ прямыхъ,
Печалью, горестью стѣсненный,
Изторгнувшись отъ бѣдствій злыхъ,
Въ восторгѣ радостномъ ликуетъ,
Свое спасенье торжествуетъ,
Поетъ своихъ блаженство дней;
Поетъ МОНАРХА, прославляетъ,
Судьбу свою благословляетъ,
Сидя въ объятіяхъ друзей.

*

Вдова въ печали, въ грусти, въ скукѣ,
Съ груднымъ младенцемъ на рукахъ,
Страдать не будетъ больше въ мукѣ,
Съ блестящею слезой въ глазахъ;
Призрѣнная Царя щедротой,
Обласкана Его добротой,
Забудетъ вздохи наконецъ,
И скажетъ въ жизни безмятежной:
„Люби Царя, младенецъ! нѣжно,
„Онъ Царь полсвѣта — твой Отецъ.

*

Иль сирый, бѣдный, безпомощный
Судьбы оставленъ въ произволъ?
Покровъ найдетъ въ МОНАРХѢ прочный,
Не будетъ чувствовать тѣхъ золъ,
Которы бѣдность угнѣтаютъ,
Страдать отъ глада заставляютъ.
Увѣчный воинъ на бою,
И старецъ, дряхлостью согбенный,
Опершись на костыль желѣзный,
Благословятъ судьбу свою.

*

Сыны Минервины младые,
Питомцы девяти сестіоръ
Во АЛЕКСАНДРѢ дни златые
Узрѣвъ, составятъ стройный хоръ;
Науки Имъ распространятся,
Художества обогатятся,
Ремесла всюду процвѣтутъ;
Откроются умы высоки,
Небесъ, земли сквозь нѣдръ глубокихъ
Проникнутъ, быстро пропекутъ.

*

По вѣтрамъ парусомъ несомы
Дерзнутъ въ пучину корабли,
Чрезъ яры, пѣнистыя волны
Достигнутъ въ мигъ тоя земли;
Гдѣ Темза горда протекаетъ,
Гдѣ Сена въ берегахъ играетъ,
Гдѣ Нилъ поля плодотворитъ,
Гдѣ Тигръ, Ефратъ въ волнахъ крутятся,
Гдѣ Лена съ Платою струятся,
Гдѣ Гангесъ жителей поитъ.

Уже сокровища Азійски
По Волѣ къ сѣверу текутъ;
Алмазы съ златомъ Аравійскимъ
Чрезъ Черный понтъ къ Днѣпру плывутъ;
Персидски пурпуры огнисты,
Камчатскіе мѣхи пушисты,
Сибирски горы серебра,
Невѣдомыхъ земель богатства
Плодомъ торговли, блескомъ царства,
Сущь славой Росскаго Орла!

*

О Ты, сѣдящій на престолѣ,
Господь Всесильный, Царь Царей!
Благоволи принять сіе молѣ
Моленіе твоихъ дѣтей:
Храни МОНАРХА дни безцѣнны,
Россіи Твой залогъ священный
Храни до позднѣйшихъ Ты лѣтъ.
Какъ пальма въ раѣ насажденна,
Какъ маслина пріосѣненна:
Такъ жизнь Его да процвѣтетъ!

PHOEBUS

IDILLIUM.

MELIBOEUS, CORIDON.

MELIBOEUS.

Afficiunt animum, Coridon, florentia prata,
Et vallis facies vario veſtita colore
Me relevat, lætum revocans per membra vigorem.
Quocunque aspicio, ferunt mihi gaudia cuncta,
Cuncta voluptatis ſenſu perfundere dulci,
Mentem conspicio, fæva ceſſante timore.
O vitam felicem terque quaterque beatam!

CORIDON.

Me quoque delectant, tibi quae nunc grata videntur,
Sorte fruor placida, nec ventus turbida torquens
Nubila, nec tempeſtas turbat gaudia mira;
Nec furit ex alto ſtridens et fæva procella,
Nec unquam denſus ſupra caput imminet imber
Infeſtus ſaltanti per virgulta juvencæ;
Ingenti, Meliboee, ſcatent dulcedine cuncta.
En celebrandus noſtrarum rerum moderator
Priſtinos nobis placidos quoque reddidit annos,
Quos ſtatuit noſtræ ſapientia Palladis alta!
Non Titan rutilans curſum modo confecit anni,
Quam leges is dat populis et commoda jura;
Sed quam felices conceſſos effecit omnes,
Et nunc ingenti atque nouo ſplendore coruscans,
Grandia largiter effundit cunctis benefacta.

MELIBOEUS.

Quid faciemus perspicientes tempora grata?
Tityrus ingentes læto de pectore plauſus

Edidit, et ſparſit tantæ modulamina vocis,
Laudibus eximiis tollens ad ſidera Phœbum;
Quod vitæ placidos ejus tum reddidit annos.
Quid nos, o Coridon! Phœbi ſunt munera ſumma?

CORIDON.

Incipe tu, Meliboce! Deum celebrare canoris
Laudibus, arguta cantando munera avena,
Incipe, coniunget lætum mea carmen arundo.

MELIBOEUS.

Quid tenui, Coridon, poſſum cantu gracilique?
Impar Virgilius, nec eſt potis altus Homerus
Propitium Phœbum modulari carmine tali,
Effet quod eius venerando nomine dignum.

CORIDON.

An neſcis divis non voces, corda placere?
Aſpiciunt animum ſemper, non carmina docta;
Quid fundunt lepidos cantus, niſi vota ſuperſunt?

MELIBOEUS.

Incipe tu, Coridon! divis tua ſvavis avena.

CORIDON.

Te, qui cuſtodis paſtores atque juvencas
Conſervas, placidam cunctis præbendo quietem,
Te, gracili modulor, Criſtatum Numen! avena:
Quocunque aſpicio, Tua cerno munera ſumma,
Auſpice Te ſumus felices atque beati;
Verna dies ridet ſemper, cœlumque ſerena
Luce nitens ornat fontes per prata fluentes,
Floribus acceptis ſplendeſcens vallis amoena
Recreat opiliones nos teneraſque juvencas.
Nec Boreas furiens, effuſis imbribus atris,

Fert animis ſummi noſtris tormenta doloris,
Nec fracto ruptoque polo micat igneus æther,
Terroris complens oves timidasque capellas.
Vos, o Pierides! præcor, adspirate canenti!
Summa Deus cunctis nobis modo dona profundit,
Munera ſunt Phæbi vivacis vita quieta
Et placidum quod ver floret per paſcua noſtra;
Munera ſunt Phœbi, quod nunc fortuna ſiniſtra
Longe pulſa eſt a nobis, ſplendente ſecunda.

MELIBOEUS.

Ite diſertæ Caſtalides nunc, pellite chordas,
Tollite laudibus eximiis ad ſidera numen,
Luce ſerena quod comat Pindumque Heliconque,
Munifica dextra profundens munera vobis.
Utinam avena Diis poſſit mea fundere cantus
Ambroſios, mentis pergratæ ſenſa revelans;
Adveniente die Phœbum, labente canerem!

CORIDON.

Vos, o Moeonides! largum Phœbum celebrate,
Ferte canoris laudibus eximiisque ſub aſtra:
Plena fecit tranquillitatis tempora vitæ
Vestræ præclara et præſtanti mente niteſcens.
Cur non Homeri ſuprema mente coruſcam,
Ut valeam decorare Dei nunc munera cantu?

MELIBOEUS.

Munifico, Coridon, Phœbo nos corda feramus;
Victima dulcis ei, dixi, ſunt pectora grata,
Aſpicit is animum verum, non carmina docta.

СТАНСЪ.

Вступило солнце въ знакъ вѣсовъ;
Румяна осень улыбнулась;
Нѣтъ травъ зеленыхъ, нѣтъ цвѣтовъ,
Златыхъ сноповъ она коснулась,
И сыплетъ щедрою рукой
Плодъ спѣлый на Россію свой.
Россія, дщерь Небесъ святыхъ!
Прими дары благословенны
Отъ благодарныхъ чувствъ своихъ
Взложи ихъ на олтарь священный,
И АЛЕКСАНДРУ воскури.
Свое блаженство нынѣ зри.

Избранный Вышняго судьбой,
Онъ принялъ Отческу Державу
Щастливить подданныхъ собой;
Днесь въ полну облекаясь славу,
Пріемлетъ скипетръ и вѣнецъ
МОНАРХЪ, отечества Отецъ.
Въ залогъ любви святой своей,
По непреложному совѣту,
И къ благоденству нашихъ дней
Вѣнчаетъ онъ ЕЛИСАВЕТУ;
Его духъ кроткій, правый судъ
Отъ злобы насъ, коварствъ блюдутъ.

Уже нѣтъ града, вѣси нѣтъ,
Гдѣбъ милостей струи обильныхъ
Не пролились, какъ яркій свѣтъ;
Гдѣбъ плачь сиротъ и вдовъ безсильныхъ
Не осушенъ былъ до конца
Царя щедротой и Отца.

Тамъ узникъ изъ темничныхъ вратъ
Идетъ уже не на мученья;
Душа его полна отрадъ,
Нѣтъ на чертахъ лица смущенья;
Онъ благодарны слезы льетъ,
МОНАРШИ милости поетъ.

Съ веселой радостной душой
Здѣсь селянинъ спѣшитъ на нивы,
И безъ усталости сохой
Земныя разсѣкаетъ жилы,
И плодъ сторичный отъ трудовъ
Пріемлетъ, зря въ Царѣ покровъ.

Тамъ безмятежный гражданинъ,
Свободно пользуясь правами,
Отечества усердный сынъ
Своими жертвуетъ дарами;
Доволенъ участію своей,
Благословляетъ радость дней.

Здѣсь родину любезну зритъ
Внезапнымъ рокомъ отчужденный;
Пріемлетъ прежней славы видъ,
Правъ, преимуществъ всѣхъ лишенный;
Поносный стыдъ его не жметъ,
Безъ робости онъ зритъ на свѣтъ.

Тамъ ликъ священный, вшедъ во храмъ
Со умиленною душою,
Куритъ усердный ѳиміамъ
Вечерней, утренней порою;
И внутрь Святаго олтаря
Величитъ кротость онъ Царя.

Здѣсь Музы спроятъ нѣжный хоръ
Простымъ и не сплетеннымъ слогомъ;
И славныхъ зря торжествъ соборъ,
Свои сердца даютъ залогомъ;
На лирахъ возвышаютъ гласъ,
И съ ними весь поетъ Парнассъ:
„Благословенъ Господь міровъ,
Царя вѣнчавый Россамъ нынѣ!
Проспри, Всесильный! Твой покровъ;
По неоскудной благостынѣ
Храни его до позднихъ лѣтъ:
Да Имъ Россія процвѣтетъ!“

МАДРИГАЛЪ.

Уже лѣса покрылъ осенній желтый листъ,
Не слышенъ въ рощахъ птичій свистъ;
Но Россовъ лавры зеленѣютъ,
Премѣны времяни коснуться имъ не смѣютъ:
Се АЛЕКСАНДРЪ на Тронѣ
Въ блистающей коронѣ!
Весеннихъ радостей являетъ намъ соборъ,
Къ Себѣ влечетъ всѣхъ взоръ.

А кротка ЕЛИСАВЕТА
Въ вѣнцѣ, составленномъ изъ звѣздъ,
Сіянье умножаетъ свѣта
Торжественныхъ Россійскихъ мѣстъ.

МОНАРХА кроткаго Царица Матерь нѣжна;
Полна любови, безмятежна
Вдовицъ покоитъ и сиротъ,
Краса имъ въ щастіи, а въ бѣдствіи оплотъ.

Единокровный братъ Царю, МАРІИ сынъ
Порфирородный КОНСТАНТИНЪ
Герой, великихъ дѣлъ ревнитель,
Блаженства общаго блюститель,
Своею доблестью Россію ободряетъ,
Отрадой лестной исполняетъ.

Но АННА Ангельской душею
Плѣняетъ духъ, сердца разитъ;
И благодатною струею
Льетъ милость простотъ, коварству ставитъ щитъ.

Младая отрасль Царска трона,
Богоподобный НИКОЛАЙ
Поборникъ вѣры и закона,
Невѣрство истребивъ, прогонитъ свѣта въ край.

Юнѣйшій МИХАИЛЪ изъ чадъ Царевой крови
По крѣпости своей, по сердцу, по любови
Какъ мощный Исполинъ
Вселенны будетъ властелинъ.

Съ МАРІЕЙ кроткая ЕЛЕНА
Несутъ вѣнцы мира, тишины,
Спокойства, чемъ тверда вселенна,
Чемъ Россы славны и красны.

ЕКАТЕРИНЫ сердце нѣжно
Въ груди біясь,
Таинственно соединясь
Съ душей богоподобной АННЫ,
Съ моленіемъ въ еѳирны сіраны
Спремятся воспарить
И небо къ Россамъ преклонить:
Да въ мирѣ, тишинѣ и въ ополченьи къ бою,
Ихъ кровомъ осѣнитъ, гдѣ ступятъ лишъ ногою.

ДИѲИРАМВЪ.

Пойте, Россы! дни блаженны,
Пойте вѣкъ щастливый свой;
Въ дни сіи благословенны
Льетъ намъ радость и покой
Царь въ порфирѣ
Въ діадимѣ
Щедрою рукой.
Какъ дыханіе зефира
На поля прохладу льетъ,
Такъ Царь кроткій, Ангелъ мира
Всѣмъ отраду подаетъ,
Мирнымъ взоромъ,
Кроткимъ словомъ
Россовъ оживляетъ.
Маркъ Аврелій по щедротѣ
Вѣчну славу пріобрѣлъ:
Къ вожделѣнной Россамъ льготѣ
АЛЕКСАНДРЪ на тронъ взошелъ, —

И блаженство
Благоденство
Полились рѣкою.
Узникъ въ семью возвращенный
Горькой чаши золъ не пьетъ,
Изъ темницы изведенный
Радостны лишъ слезы льетъ;
Въ лонѣ щастья
Безъ ненастья
Жизнь его катится.
Бѣдный, сирый веселися;
Для тебя покровъ МОНАРХЪ.
Силъ лишенный ободрися;
Пищи ждать у вратъ въ слезахъ
Ты небудешь,
Позабудешь
Дни щитать бѣдами.
Какъ въ дни Майски теплотворны
Фебъ евирный сводъ златитъ,
Съ высоты лучь благотворный
На лице земли блеститъ,
И росою
Теплотою
Жизнь даетъ природѣ.
Такъ МОНАРХА духъ блистаетъ
Благостью лучей своихъ,
И народы озаряетъ
Улучшая жребій ихъ,
Возставляя
Утверждая
Всѣ права въ Россіи.

Громы браней замолчите;
Злость! страшись ты строить ковъ;
Россы! мечь и щитъ блюдите
Въ наказанье лишь враговъ;
Не жестокость
И суровость
Пишетъ вамъ законы.
Ложъ, неправда здѣсь не смѣетъ
Святость, честность клеветать,
Хитрость средства не имѣетъ
Беззаступныхъ угнѣтать.
Лесть сокройся;
И небойся
Истинна святая!
По зарѣ спокойной ясной
Солнце разливая свѣтъ,
Предвѣщаетъ день прекрасной:
Такъ МОНАРХЪ на тронъ возшедъ,
Мирно царство
И богатство
Дѣломъ обѣщаетъ.

АКРОСТИХЪ.

Астреинъ вѣкъ златой къ вамъ, Россы! возвратился:
Любезный небесамъ, сынъ ПАВЛА воцарился,
Екатерина въ Немъ премудрая живетъ,
Которой по стопамъ въ правленьи Онъ идетъ.
Судъ, милость, истинна и правда на престолѣ;
Злость, нахмуривъ взоръ, и лесть бѣгутъ отколѣ.
Невинность страждуща подъ бременемъ оковъ
Даетъ, МОНАРХЪ, тебѣ свободу и покровъ,
Рукой отеческой онъ слезы отираетъ,
Пороку правоту тѣснить, гнать возбраняетъ.
Его щедротами Минервинъ садъ цвѣтетъ
Размножится и плодъ сторичный принесетъ.
Вдовицу плачущу, гонимую судьбою
Избавитъ Онъ отъ бѣдъ МОНАРШЕЮ рукою,
Чтей ея младыхъ Онъ призритъ какъ отецъ,
Слѣзу насыпитъ ихъ, вздохъ прекратитъ сердецъ,
Законы мудрые въ Россіи Онъ возставитъ,
Державою своею Онъ подданныхъ прославитъ.
Раздоромъ ли дерзнетъ смутить врагъ нашъ покой?
Славкиды Росскіе съ геройствомъ вступятъ въ бой,
Отрутъ врага, какъ ПЕТРЪ, полночна исполина:
Тамъ страшенъ мечь, гдѣ духъ и мысль у всѣхъ едина.
Вѣнчавый кроткаго МОНАРХА Царь Царей!
Умножи дни его для блага нашихъ дней;
Его дражайша жизнь, и домъ Его священный
Собой, о Боже! ввѣкъ да будутъ осѣненны.

ЭПИГРАММЫ.

I.

Прочь кисть волшебная Зевксиса и Апелла,
Которыхъ живопись во древности гремѣла!
Картинъ ихъ каждая была смѣсь ста другихъ;
То плодъ единственный воображенья ихъ,
Химера, пустота, ничтожество предмета.
Достойно хощетъ кто ко удивленью свѣта,
Всѣ свойства начертать Божественной души;
На АЛЕКСАНДРА зри — возьми кисть и пиши.

II.

Теченіемъ своимъ кругъ солнце совершая,
Пріятности не вдругъ на землю къ намъ лѣтъ:
Гдѣ свѣтъ — гдѣ теплоту — гдѣ зорю воскрешая
По мѣсту, времени всѣмъ дары раздаетъ.
Кругъ дѣлъ Твоихъ, МОНАРХЪ! обильнѣе дарами;
Ты съ трона Своего льешь милость вдругъ рѣкой.
Не Фебъ животворитъ своими насъ лучами;
Но Ты намъ жизнь даешь отраду и покой.

ПОЛИДОРЪ,

ИДИЛЛІЯ,

въ которой разговариваютъ
КАЛЛІОПА, Муза,
ДАФНА, Волжская Нимфа,
ДАФНИСЪ, тамошній пастухъ

Калл. Оставя злачные Кастальски берега,
О Нимфа милая! къ вамъ прихожу въ луга.
Я взорами сіи долины измѣряю,
И въ изумленіи себѣ не довѣряю,

Не сонъ ли вижу я? — ужъ блекнетъ листъ въ лѣсахъ,
И сини облака темнѣютъ въ небесахъ;
А въ вашихъ я мѣстахъ какія зрю пріятства,
И сколько флора здѣсь разсыпала богатства!
Ликуютъ пестрыя долины и брега,
Смѣются, кажется, и холмы и луга.
Ликуетъ старость здѣсь, ликуетъ нѣжна младость;
Все возвѣщаетъ мнѣ, что царствуетъ здѣсь радость.
Скажи мнѣ, Дафна, что причиной торжества!
Что значитъ все сіе? иль праздникъ Божества!

Дафна. Ты слышишь пастуховъ играющихъ въ свирѣли,
Пріятенъ голосъ ихъ, плѣнительны ихъ трели!
Что, думаешь, поютъ? щастливой жребій свой,
Блаженство, тишину, довольство и покой.
Того, кто имъ сіе блаженство доставляетъ,
Кто кротостью сіи долины управляетъ.
Ахъ! сколь плѣнителенъ, пріятенъ солнца лучь,
Когда разсѣются надъ нами мраки тучь!

Кур. О Полидоръ! съ тѣхъ поръ, какъ въ страны полуночи
Возвелъ Ты отъ Невы щедротой свѣтлы очи;
Съ тѣхъ самыхъ поръ край Славянскія земли
Во благоденствіи и щастьи процвѣли.

Калл. Мы съ вами щастіе единое имѣемъ,
И милостьми Его хвалиться купно смѣемъ:
Ахъ! сладостно, и намъ названье: Полидоръ.
О Нимфа! посмотри на верхъ Парнасскихъ горъ:
И тамъ вездѣ блестятъ души Его доброты
И тамъ обильныя отъ рукъ Его щедроты,
Какъ росу сладкую, верхи Парнасски пьютъ,
Испивши нѣжатся, красуются, цвѣтутъ.

А сестры тамъ мои при брегѣ водъ спокойныхъ
Сидя въ веселіи, поютъ на лирахъ стройныхъ
Его любовь къ себѣ. — Но зной меня томитъ.

Дафна. Ты видишь, у холма тѣнистой дубъ стоитъ:
Пойдемъ туда.

Калл. Пойдемъ и сядемъ тамъ подъ тѣнью,
При плескѣ ручейка, внимая пташекъ пѣнью.
Намъ Полидора пѣть теперь пристоенъ часъ.

Дафна. Ты, Муза, пѣснь начни.

Калл. Но чей я слышу гласъ?
Изъ рощи эхомъ къ намъ несутся сладки трели.

Дафна. Чей! . . это Дафнисовъ, и гласъ его свирѣли
Столь сладолъ для меня, что ... что ... въ восторгъ
ведетъ.
Вотъ близко онъ и самъ изъ рощи къ намъ идетъ.

Калл. Пойдемъ. — Ахъ Дафнисъ! — какъ пріятно воспѣваешь;
Ты чувство, кажется, и въ дерева вливаешь.
Не давно ты ходилъ въ златопрестольный градъ;
Ты видѣлъ торжество при сонмѣ игръ, отрадъ,
И Полидора тамъ ты видѣлъ съ Амариллой
Его любезною супругой, нѣжной, милой.

Дафнисъ. Такъ! чтожъ?

Дафна. Я подарю тебѣ вѣночикъ свой;
Лишь только пѣсню намъ о Полидорѣ спой,
Котору ты вчера пѣлъ утренней порою.

Калл. Запой; я въ голосъ твой свирѣль свою настрою.

Дафна. Запой же; въ голосъ твой я буду припѣвать,
И пестрой въ даръ тебѣ вѣночикъ довивать.

*

Дафнисъ. О вѣтры! возвѣстите всѣмъ,
Сколь нынѣ восхищаюсь тѣмъ,
Что видѣлъ и уста и очи,
Изъ коихъ страны полуночи
Дафна. Свой свѣтъ свое блаженство пьютъ.
Калл. Верхи Парнасскіе цвѣтутъ.

*

Дафнисъ. Вчера лишь появился день,
Какъ изъ сосѣднихъ деревень
Вкругъ хижины моей обшали,
И съ любопытствомъ вопрошали:
Дафна. Скажи о Полидорѣ намъ?
Калл. Запой, запой, что видѣлъ тамъ.

*

Дафнисъ. Я имъ сказалъ: что Полидоръ
Къ себѣ всѣхъ привлекаетъ взоръ;
Младъ въ сонмѣ юныхъ, старъ въ совѣтахъ,
И мудрость въ немъ созрѣвша въ лѣтахъ.
О вѣтры! дайте по лугамъ
Развѣяться моимъ словамъ.

*

Я видѣлъ узниковъ, сиротъ,
Которымъ милость, званье, родъ
Отъ Полидора возвращенны.
Какимъ восторгомъ упоенны
Они стояли передъ нимъ!
Земля казалась небомъ имъ.

*

Я видѣлъ, какъ вдова одна
Томна, отчаянна, блѣдна,
Съ младенцемъ предъ него явилась,
Но боль свою еще скрыть тщилась.
Онъ руку щедру къ ней просперъ,
И токи слезъ ея отеръ.

*

Она воззрѣла къ Небесамъ,
И больше предалась слезамъ.
То были слезы восхищенья!
Съ ней плакалъ всякъ отъ умиленья,
И гласъ разнесся выше горъ:
Да здравствуетъ нашъ Полидоръ!

*

Я видѣлъ, какъ верховный жрецъ
Воспѣлъ, вручивъ ему вѣнецъ:
О ты, предизбранный Судьбами!
Достоинъ царствовать надъ нами.
И гласъ разнесся выше горъ:
Да здравствуетъ нашъ Полидоръ!

*

Московскія

Дафнисъ. Тогда струи

Калл. и *Дафна.* И Волжскія

Всѣ. Услышавши слова сіи,
Казалось, въ радости скакали;
Брега ихъ весело плескали.
И гласъ разнесся выше горъ:
Да здравствуетъ нашъ Полидоръ!

ΥΜΝΩΔΙΑ.

Ἰδοὺ ἐν θρόνῳ νῦν ΑΝΑΞ —
Πραεῖς, ἐσθλὸς ζάθεός τε,
Ο ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΣ Πρότατος,
Μερόπεσσιν ἔυχος Α'ΥΤΟΥ,
Τοῖο Παρνάσσοιο κύδος!
Μοῦσα, τὶ σιγᾶς; ἄεισον
Α'ΥΤΕ'ΟΝ τὰ τοῖο θυμὸν,
Στέφος ἅσμα πλέξον ἄνθων! —
Ἰδοὺ ἐσι καιρὸς αὐτὸς
Τοῖσιν ἀπέεσσι μέλπειν!

*

Ὥσε φωσφόρον φανέντος
Ἦμαρ ἄρχεται, καὶ πάντα
Τοῖο ἡλίοιο τωτε
Τινεταίπερ ἀκτίνεσσιν
Λαμπρύνοντα, πληρέατε
Τῆς χαρᾶς καὶ γηθοσύνης·
Ὁ'μοίωστε, ὦ ΒΑΣΙΛΕΥ!
ΣΟΓΟ σεμμα ὑπέρτατον,
Τὸ περιπόθητον ἡμὶν,
Ε'μπνέει τὸ χάρμα πᾶσι.

*

Χαῖρε Ῥὼς πιστὸς μάλιστα!
Παῖ χαίρε — ἄνερ — γέρον —
Χῶρα — κῶμαι — πᾶσα πόλις!
Χαίρετε μεγιστᾶνες νῦν,

Ἡγέμον καὶ στρατιῶτα,
Ἀκλεέστε εὐγενέστε,
Ἅπας ἐπιταττόμενε!
Ἰδὸν ἀμὶς Θεῖος ΑΝΑΞ
Τῆθος, ἐντυχὲς, βίηφι
Πᾶσι σήμερον δίδωτι.

*

Καὶ δενόμενος δυνάσης,
Καὶ ἀκόρατος κορεσὸς,
Καὶ βαρσύμφορος μάκαρ νῦν.
Κρατέοισι χερσ' ἔνοχοι,
Οἱ κρατήθετες τοῦ ὄλβου,
Δικαίσιτε ἐυλογοῦσι
Δίκαιαν ΜΟΝΑΡΧ' ἀληθοῦς
Καὶ τι; ὄμματ', ΑΥΤΟΚΡΑΤΟΡ!
Ἐν τεῖν ἀσφαλῆ ἔχει
Εὐελπισίαν ρ' ἁ πάντων.

*

Κἂν δέκατε γλῶσσαι, μὲ
Κ' ἂν δέκα στόματα εἶεν,
Οὐχ οἷοντε πάντα πότνα
ΣΟΙ Ὀ, ΑΝΑΞ! ἐρῦ ἀείδειν.
Συγγίνοσκε δ' Ὅττ' ἀμεῦσοι
ΣΕ ἄδειν θαρσοῦμεν ἄμμες·
Δέξαι ἄττα ΣΟΙ Σα ἐκ Σᾶν
Προσφέρομεν ἐυχόμενοι
ΣΟΙ βίοττον εἰς αἰῶνας,
Τὸν μάκαρα ἥσυχόντε.

L'ORAISON.

Si le bonheur des nations depend d'un gouvernement ſage et fondé ſur la juſtice, ſous lequel elles vivent; ne devons nous pas, o Fils de la Ruſſie! reconnoitre devant tout le monde les bienfaits ineffables du Toutpuiſſant envers nous? C'eſt Lui, qui forma et augmenta ſucceſſivement le bonheur de notre Patrie par les très AUGUSTES MONARQUES; (mais ces bienfaiteurs de l'humanité ayant diſparu par le ſort commun à tous les hommes;) Voila c'eſt Dieu, Roi de tout l'univers, qui Vous a choiſi, Vous, très AUGUSTE SOUVERAIN! pour regler nos deſtinées. Quel grand bonheur pour nous d'être ſoumis au ſceptre d'un MONARQUE, dont l'ame eſt ornée des plus brillans talents et des plus eminentes vertus. Seigneur! qui tenez en Vos mains les coeurs des Rois, et qui, ſelon le langage des Vos ecritures, donnez Votre ſalut aux Rois, comblez aujourd'hui NOTRE L'EMPEREUR ALEXANDRE premier de Vos graces, et faites, que Son trone ſoit affermi pour toujours.

Idylle.

An einem heitern Morgen, an welchem ſanftere Zephyre weheten, und Vögel ihre reißenden Geſänge zwitſcherten, ſpazierten zwey Hirten, Vater und Sohn an den mit Schilch bewachſenen Ufer, und lieſſen ſich da auf weichen Graſe nieder. Sanfte Ruhe blickte aus ihren Augen, und frohes Lächeln ſaß auf ihren Lippen.

Ach Vater! ſagte der Sohn: in dieſer Nacht iſt mein Herz von den froheſten Empfindungen der Freude erfüllt worden. Ich muß es dir erzählen. Mir erſchien in Norden ein hellglänzendes Licht. Ich ſah gleichſam eine neue

Sonne an unſerm Horizonte hervorgehen, und ihr warmes belebendes Weſen ließ ihre wohlthätigen Strahlen auf uns nieder. Sieh! Sieh! wie nun die trüben Wolken fliehen! wie ihr Glanz die Dunkelheit vertreibt, und wie alles auf's herrlichſte erleuchtet iſt. Dort ſah ich um Ulmbäume blühende Roſenſtauden, hier den ſchönſten Frühling erneuert, und verſchiedene die Farbe der Unſchuld tragende Lilien. Da ich ſo um mich herum ſah, und frohe Heerden, Bäume voll tragenden Früchte, reiche Erndten erblickte, da entquollen Freudenthränen meinen Augen. Sage mir was dies bedeutet? Selbſt kann ich mir es nicht erklären.

Mein Sohn, ſagte der Vater: Es giebt in uns eine Vorempfindung des Herzens. Sie ſtellt uns die entfernteſten Gegenſtände in ihrer würcklichen Geſtalt dar. Die von dir geſehene Sonne, iſt die Sonne Rußlands. Sie, die weder auf Stand, noch auf Glück ſieht, ſendet ihre Strahlen über die Böſen und Guten.

Dieſe Worte, ſagte der Sohn, durchdringen das Innerſte meines Herzens, in allem wohlthätig zu handeln. O dieſe Sonne muß immer der Gegenſtand unſrer Lieder ſeyn! Geliebte Hirten! Freunde meiner Jugend! Kommt! theilet mit uns unſre Freude! Das Echo verbreite meine Worte bis zu den grünen Feldern und Haynen. Kommt um mit mir dieſe unſer aller Glückſeligkeit zu beſingen. Er blickt auf den Vater, deßen Augenwimpern von Freudenthränen glänzten; hierauf wandte er ſich gen Himmel, beugte die Knie und ſang. Die Stimme des Vaters vereinigte ſich mit dem Geſange des Sohns.

Ewig werde du wohlthätiges Licht geprieſen! Du erfreueſt alles in der ganzen Schöpfung. Du ſchauſt auf die Erde, und ſie lächelt. Deine Strahlen dringen in unſre kleinſten Hütten ein, und verbreiten in ihnen frohen Scherz. Du biſt unſre Freude und unſer Glück. In unſerm ganzen Leben werden wir dir Loblieder ſingen; dir Günſtling der Gottheit. O mögten unſre Lieder dir

gefallen, dan, o dan! wollen wir dir errichten — ja auch jetzt schon errichtem wir dir einen Altar in unsern Herzen, und bringen die unsre Milch und Blumen zum Opfer.

So sangen die Hirten, und das Echo drang zum Himmel.

(*)

РѢЧЬ ЧЕРЕМИСКАЯ.

кугу кугу́жа!

Мемна̀нъ яльсштѐ укѐ во́лгудо книга̀ шинзишѐ укѐ тугѐ Кугу́ тыны̀нъ пуро̀ лишпѐнъ кю́лешь кала́сашъ мѐ она̀ кѐрдъ, пудо̀ куцѐ волгудо̀нъ коешь ке́че цылялàнъ шо́немъ тынь Кугу́ Кугужа́ цыла́ялъ, — лань кидыште шкѐ о́нъ жокто̀тъ шке́нжемъ Атня̀мъ игешу́бомъ яралты́ше, мѐ юбертѐнь тыны́мъ ќманъ ю́дене Ку́гунь це́нде тыны́мъ шоне́на тугѐ игишу́ба шинза̀ дамо́ кюрге цонде́не муралтю́ни ю́ма юралпа ошмя́ляндамъ пѐшь саѐ Кугу́жа АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЕЙ влады́я мемна́ндане мѐ она людъ ономѐ саяклѐмакшше о! юма̀ ашнѐ Кугужамъ юку́межъ.

Переводъ Черемиской рѣчи.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШИЙ ГОСУДАРЪ!

ВЪ нашемъ народѣ нѣтъ ни просвѣщенія, нѣтъ ни наукъ, ни знаній; и потому высокія Твои добродѣтели досто̀йно прославить мы не можемъ: но онѣ, какъ бли-

(*) Рѣчи на Еврейскомъ и на Татарскомъ языкѣ, за непмѣнїемъ въ Типографїи литеръ, не напечатаны.

стающіе лучи дневнаго свѣтила, для всѣхъ ощутительны. Вы, ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ! ко всѣмъ народамъ въ державѣ Своей являете Себя Отцемъ чадолюбивымъ; а мы, радуяся о Твоемъ муропомазаніи, не иначе усердіе свое открываемъ, какъ дѣти, простымъ и нѣмопіствующимъ языкомъ, взывая: Богъ любитъ Россію! *Милосердый Государь* АЛЕКСАНДРЪ Первый царствуетъ надъ нами; мы безопасны — мы блаженны. О! да хранитъ Богъ Его здрава вовѣки.

РѢЧЬ ЧУВАШСКАЯ.

Паяганъ Вырасъ Патша вѣнчать лé. эбúрь пить хибирдéтьперь. Вулъ пирé юрадáть аттé бекъ, Тóра да онá юрадать. Вýлъ Чухне пирдé уйрá тыразем бóлна чíберь, сярáнземъ лáихъ выйлехзем нумайлáнчесь, эбирь хáле борнáтпаръ пить чибéрь. Тора! санá эбúрь чунданъ киль тувáппаръ, усрá онá кильдизене да óнань сыва нумáй сюлъ авалá.

Переводъ Чувашской рѣчи.

Сегодня ГОСУДАРЬ Россійскій пріемлетъ Скипетръ и Корону. Коль велика наша радость! Онъ насъ любитъ, какъ Отецъ, за то и Богъ Его любитъ. При Немъ у насъ и жатва обильна, и луга лучше, и стада многоплоднѣе; теперь мы живемъ спокойно. Боже! мы Тебя въ простотѣ сердца просимъ, чтобы за то и въ домъ Его всегда обитало здоровье и веселье.

РѢЧЬ ВОТЯТСКАЯ.

БАДЗЙМЪ ЭКСЕЙ!

Дзѐцъ лэстэ̀ме́съ тына̀дъ мѝ понна̀ со̀ мында̀ бадзѝмъ, кудзэ̀ мѝ озй кызи дышетъ̀эмъ ка̀йкъ, у́мъ шѐптыскэ кылзэ̀ вѣраны, кудыны̀зъ уно̀ возматы̀са̀лъ со̀ мила̀мъ шумъ потонэ̀зъ. Кудызъ ми пучка̀мъ сайкатѐ шудо̀ тунэ̀нѐ то̀нъ йра̀дъ пукт'эмъ венѝцезъ, мѝ Воцяхъ луд'энъ но, дынѝнъ но, мила̀мъ праздникъ дырча но, церкы̀нъ но, сюлмо̀ вэсяско̀мъ йньмѝресъ, кудысъ тонэ̀ пукты̀зъ мѝ выла̀мъ утины, сойзъ шудо курдасытэ̀мъ но̀ мэ̀дъ мѝ уло̀мъ, тонэ̀ таза̀ мэ̀дъ возма̀тосъ улоньдунье.

Переводъ Вотятской рѣчи.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

Милости Твои для насъ столь велики, что мы по простотѣ своей не находимъ словъ, которыя могли бы довольно выразить ту радость, которую въ насъ возбуждаетъ благополучно совершившееся Твое Коронованіе. Мы всѣ на поляхъ, и въ домѣхъ, и на празднествахъ нашихъ, и во храмѣхъ всеусердно молимъ Бога, который Тебя оправдалъ надъ нами царствовать, чтобы Онъ къ щастію нашему сохранилъ Тебя здрава и долголѣтна!

РѢЧЬ МОРДОВСКАЯ.

ПО́КШЪ ИНЯЗАРЯ́!

Сечка̀съ пѣ̀нь оля̀шь шо́нъ, теча̀ шушона̀къ ва̀лъ макса̀нъ: стяпана̀къ машяна̀къ ломашимі̀некъ витетаряла̀ сядѣ̀н кулы̀сь бабамъ мушрена̀ ЕКАТЕРИНА, уже сядѣ̀н тиминѣ̀къ сюмеезя̀ шонъ вясядѣ̀й монъ сяденѣ̀мъ вечхтя̀мъ, тейзевяся̀ тейзе кяцень кудя̀ зара̀ кедѣ̀нь вачка̀ день. Теча̀ пасьда̀ Покшъ макъ сазя̀ вѣнецъ пушь; монъ вяленѣ̀къ ксаценѣ̀къ, ира̀сь мя̀лѣ̀къ авяша̀нь аярява̀, течѐ анча̀сь здороулиза̀нъ озна̀нь лама̀никъ витѣ̀нь ашеѣ̀нь и робота̀нь.

Переводъ Мордовской рѣчи.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

Съ самой минуты царствованія Твоего, когда Ты произнесъ сіи слова: буду управлять народомъ Моимъ по законамъ и по сердцу покойныя Моей Бабки, Премудрыя ЕКАТЕРИНЫ, — уже сердца наши связалъ Ты единодушною къ Себѣ любовію, и произвелъ во всѣхъ насъ радостныя о Царствованіи Твоемъ рукоплесканія. Нынѣ Всевышній вручаетъ Тебѣ Скипетръ; и мы, будучи проникнозены сею радостію до глубины сердца, ничего себѣ пожелать не можемъ, какъ только, чтобы Ты былъ всегда здоровъ и управлялъ бы нами чрезъ многіе годы.

КАНТЫ.

I.

Вспряните отъ печали мрачной,
О дѣти мощныя Россіи!
Хотя скрылось въ вѣчность солнце ваше,
Взгляните — новое Свѣтило
На Тронъ Росскомъ возсіяло.
Подобно фениксъ Аравійской
Отъ жару солнечна сгараетъ:
Но юный фениксъ возникаетъ
Изъ пепла въ красотѣ прелестной.
О Россы! торжествуйте нынѣ!
Вѣнчаннаго Царя Россіи
Въ весельи сердца лобызайте!

II.

Кто есть сей Царь? — Онъ Царь, Отецъ;
Такъ подданнымъ Себя являетъ,
И строитъ щастіе сердецъ
Себѣ за щастье поставляетъ.

Кто есть сей Царь? — струею льетъ
Свои щедроты бѣднымъ, сирымъ;
Заслугамъ должну мзду даетъ
И помощь злобою гонимымъ.

Кто есть сей Царь? — въ Немъ обрѣтутъ
Науки лестную отраду;
Ремесла больше процвѣтутъ,
Узрѣвъ достойную награду.

Кто есть сей Царь? Извѣстна всѣмъ
ВЕЛИКАЯ ЕКАТЕРИНА.
Представьте тѣжъ доброты въ Немъ,
Тѣжъ свойства и душа едина.

III.

Россы! радостно плещите!
Кто въ порфирѣ? — вы воззрите:
Царь Россіи и Отецъ.
Сколько насъ Онъ восхищаетъ
Тѣмъ, что прежній возвращаетъ
Вѣкъ щастливый наконецъ.

Всѣ Его дѣянья зрите,
И законы разсмотрите:
Все въ нихъ съ правдой спряжено;
Все въ нихъ благостію дышетъ;
И Его десница пишетъ
Всѣмъ лишь щастіе одно.

Зрите — Онъ лишь воцарился,
И въ темницы свѣтъ пролился;
Бѣдный токи слезъ отеръ;
Падшій подъ рукой злощастій
Изъ краевъ далекихъ въ щастьи
Взоръ свой къ родинѣ простеръ.
Царствуй тако, Царь! надъ нами;
Будешь обладать сердцами.
Нѣтъ блаженства для Царей,
Какъ, любя народъ нелестно,
Быть любимымъ повсемѣстно
Отъ народа Своего.

IV.

Всещедры Небеса! внемлите
Моленьямъ пламеннымъ дѣтей;
Въ чистѣйшей радости продлите
МОНАРХА нашего нить дней
До позднѣйшихъ годовъ,
Да при Его Державѣ
Превознесется въ славѣ
Россія въ родъ родовъ!